

УДК 323.21-053.81

## РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Зеленин

## LOCAL YOUTH PARLIAMENT AS MEANS OF SOCIAL MOBILITY IN MODERN RUSSIAN POLITICS

А. А. Zelenin

*В статье анализируются особенности современной молодежной политики, рассматриваются проблемы участия молодежи в политике, роль и функции молодежного парламента как особого механизма социального лифта.*

*This article deals with peculiarities of modern youth policy, problems of youth participation in politics, role and functions of youth parliament as special means of social mobility.*

**Ключевые слова:** молодежь, молодежная политика, молодежные политические движения, молодежный парламент, социальный лифт.

**Keywords:** youth, youth policy, youth political movement, youth parliament, social mobility.

В современной социально-политической ситуации одним из вызовов, с которыми столкнутся новый президент и правительство России, будет молодежная политика. Задачи в этой сфере определены предельно ясно: «Снять все барьеры для роста, карьерного продвижения молодежи в бизнесе, системе госуправления, в науке, предоставить ей широкие возможности для личностной и профессиональной самореализации» [14]. Для достижения поставленных целей государственная молодежная политика России нуждается в обновлении. Каково главное направление деятельности? На наш взгляд, и эта задача не нова – следует отказаться от политики патернализма в отношении молодежи, намерений решить все ее проблемы силами государства. О глобальном характере проблемы свидетельствует многократно повторяемое в международных документах ЮНЕСКО фразы 19-летнего студента из Аргентины: «Мы часто слышим: «Вы – будущее», – но мы не можем быть даже полноценным настоящим» [1]. «Взрослые» на словах за полное равенство в политике, однако на деле (по данным исследования ВВС) 80 % респондентов в развитых странах негативно отзывались о современном молодом поколении. Показательно выступление М. Макларена (Макларен Мальком (1946 – 2010) – композитор, продюсер, в середине 1970-х годов – менеджер культовой боитанской панк-группы Sex Pistols) на конференции по вопросам образования в Лондоне в 2009 г. Продюсер с сожалением констатировал, что «мы живем в эпоху «культуры караоке», где на месте библиотек вырастают пабы, а люди надеются, стать успешными за минуту... Мы живем в эпоху желаний стать знаменитым ничего для этого не делая. Люди не хотят терять время на такие вещи, как обучение, получение опыта и навыков, ими движет простое желание мгновенного успеха». Такое поведение транслируется и даже навязывается и российской массовой культурой. Нацеленность значительной части молодежи исключительно на быстрый карьерный успех без образования или получение его в

«облегченном» виде способна перечеркнуть всякие перспективы модернизаций и инноваций.

Во многом в этом причина, что старшее поколение в России, равно как и в Европе и Америке, считает поколение NEXT аполитичным, пренебрегающим гражданской позицией, не желающим по настоящему учиться, жадное до денег, не желающее работать/зарабатывать [1]. Такой настрой взрослой, состоявшейся части общества неизбежно корреспондирует в идеологию молодежной политики воспитательный уклон, менторство и контроль, что особенно проявляется в сфере образования, где закладываются основы стартовой позиции молодого человека в жизни. В 2008 г. Президент России вынужден был признать, что «... положение дел в образовании оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать: с передовых позиций мы уже «откатились» [12]. Лишь в 2011 г. Президент РФ поручил правительству РФ к 1 февраля 2012 г. «сформировать механизмы, в том числе организационно-управленческие и финансовые, обеспечивающие одинаково высокое качество образовательных программ общего образования независимо от вида общеобразовательного учреждения» [11]. Положительно оценивая шаги в этом направлении, не торопимся тем не менее с выводом о том, что качество образования наконец-то стало приоритетом.

Конституция РФ (ст. 43) гарантирует право каждого на образование. При этом конституционная норма охватывает исключительно вопросы доступности и обязательности образования (пп. 1 – 4, ст. 43), а также пределов государственного регулирования (п. 5, ст. 43), о качестве речи нет. Принципы государственной политики в области образования определены в Законе «Об образовании» (ст. 2) [5] и ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» (ст. 2) [16]. Обращает на себя внимание отсутствие среди них такого ключевого понятия как качество образования, которое не является ни приоритетом, ни общим принципом государственной политики, как в этой сфере, так и в сфере молодежной политики. Отсюда и слабость стартовой позиции молодого

человека как в современной конкурентной экономике, так и в политике.

В то же время, в некотором, как мы полагаем, отрыве от реальности, в новейших исследованиях концепции российской молодежной политики прослежены «политические процессы постепенного перехода от приоритета государственных интересов к приоритету интересов молодежи для ее самореализации на основе международных стандартов» [10, с. 6].

Концептуально современная отечественная модель молодежной политики основана на следующих базовых постулатах:

- отождествлении прав молодежи с правами человека и гражданина, со всеми вытекающими отсюда следствиями применительно к участию в политической жизни;
- двухуровневом (федеральном и региональном) регулировании;
- трехуровневой (федеральной, региональной и муниципальной) реализации ГМП.

При этом задача молодежной политики не в том, чтобы молодой человек, окультурившись, вместо простого «дай» стал требовать «дайте, пожалуйста», а в том, чтобы создать условия для самореализации, в том числе и в политике, где, в отличие от иных сфер приложения сил и интеллекта, входные барьеры значительно выше.

Проблема участия или, скорее, допуска молодежи в политику последние два десятилетия находится в фокусе научного внимания. В некоторых новейших исследованиях при анализе «концепций как дореволюционной, так и советской молодежной политики» делается вывод об «исключении (в тот период) возможности самореализации молодежи» [10, с. 6], с чем трудно согласиться. ВЛКСМ был реальным и действующим социальным лифтом в большую политику и не только в неё (Туроу Л. К. – американский экономист, в 1960 – 1990-е годы – профессор Гарвардского университета и Массачусетского технологического института). У молодого поколения были хорошие возможности для старта. По справедливой оценке Л. К. Туроу, «коммунизм имел плохую экономику, но хорошую школьную систему... В любой коммунистической стране можно было найти лучшее образование, чем у ее соседей». (Речь не идет о ностальгических воспоминаниях. Репрезентативный опрос экспертов, проведенный в октябре – ноябре 2011 г. газетой «Взгляд», показал, что ни один из них не согласился с идеей возвращения комсомола в каком бы то ни было виде [1]) [20]. Лозунг «Молодым везде у нас дорога» не был пустой фразой.

С распадом СССР и самороспуском ВЛКСМ такие лифты для молодежи исчезли, приоритетом стала самостоятельная карьера в бизнесе, на эстраде, в спорте или, что было характерно для 1990-х – криминальной сфере. Исследователи констатировали тогда аполитичность молодежи [9].

В начале 2000-х появление молодежных политических движений («Молодая Гвардия» «Единая Россия», «Наши», «Россия молодая», «Евразийский

союз молодежи», «Новые люди», «Местные») и акции («Селигер» и др.) вернуло молодежь в политику, но не во «взрослые» партии. Молодежь, по оценке П. Данилина, оказалась из политики исключена просто технически: партии, увидев, что «молодежки» бродят по улицам и что-то там делают, в целом довольно спокойно это восприняли» [3]. Тогда власть попыталась институционализировать молодежные движения, которые, не желая втискиваться в предложенное им узкое русло, начали или сворачивать свою работу, или уходить в волонтерские, научные, экологические проекты. В то же время в политике уже работали формализованные кадровые лифты.

В целом период 1992 – 2007 гг. можно назвать периодом становления молодежной политики: положено начало формированию нормативно-правовой, финансовой баз для осуществления государственной молодежной политики, создана система государственной поддержки деятельности детских, молодежных организаций и объединений. В это время оформляется государственная служба по делам молодежи, появляется опыт решения молодежных проблем как на федеральном уровне, так и в регионах.

С созданием Росмолодежи молодежная политика приобрела системный характер. Молодые люди «по партийной линии» стали чаще попадать в законодательные и исполнительные органы власти. В 2008 – 2011 годах, в связи с курсом на модернизацию и инновационное развитие, получило поддержку молодежное предпринимательство, наука, инновации. Тогда же прошел «призыв» молодежи во власть. Молодые люди массово пошли в административную сферу, активисты «молодежек» становились депутатами разных уровней власти (в том числе – Государственной думы), а оппозиционные политики иногда оказывались интегрированы в систему исполнительной власти (Н. Белых и др.).

Как обоснованно показано в новейших исследованиях, ключевым уровнем консолидированного субъекта государственной молодежной политики РФ является субфедеральный (региональный) – как наиболее релевантный в условном и ресурсном, субъектном и объектном, процессном и проектном, пространственном и временном аспектах достижения ее целей и эффективности результатов. На региональном уровне комплекс реализуемых направлений и инвестиций в рамках государственной молодежной политики представлен в наиболее полном, адекватно специфицированном и конкретизированном виде, соединяет стратегические и тактические компоненты [7, с. 8 – 9]. На уровне региона кадровые лифты для молодежи работают, но, как мы полагаем, их пока недостаточно. В большинстве регионов для молодежи как объекта действуют программы, проекты, комитеты, бюджеты. Там, где молодежь – субъект, все значительно сложнее.

В ряде российских регионов молодежные парламенты имеют реальное право выступать от лица всей молодежи, активно взаимодействовать с вла-

стью, превращают молодежь из объекта в субъект государственной молодежной политики [17].

В то же время в новейших исследованиях отличительной чертой современного состояния инфраструктуры молодежной политики справедливо отмечается экстенсивность развития, обусловленная практикой управления ею на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Экстенсивность проявляется в росте числа клубов, центров, домов молодежи, расширении направлений работы с молодежью, нарастании числа услуг, программ, проектов, мероприятий, а также привлеченной к ним молодежи. В то же время данные количественные показатели не всегда сочетаются с потребностями молодых людей в конкретных мерах, формах, средствах помощи и поддержки и, следовательно, не учитывают реальных трудностей социализации различных групп и категорий молодежи [2, с. 6].

Так, например, в Республике Башкортостан создана одна из лучших в России инфраструктур молодежной политики, институциональная среда исключительно благоприятна для государственной поддержки молодых семей, содействия молодежному предпринимательству, деятельности молодых ученых, занятости молодежи и т. п. Обсуждается проект Республиканской долгосрочной целевой программы «Развитие молодежной политики в Республике Башкортостан на 2012 – 2017 годы» [6]. В то же время новейшие исследования, проведенные в республике, показывают, что ряд показателей, характеризующих условия жизни молодежи, продолжают ухудшаться. Происходит снижение психической и физической дееспособности молодежи, ее образовательного, профессионального и квалификационного уровней, продолжает процесс маргинализации и криминализации в молодежной среде. Деградирующее социальное положение некоторой части молодежи, результатом чего является асоциальность поведения, низкие стартовые возможности молодежи вызывают множество внутригрупповых, внутрисемейных противоречий и конфликтов [10, с. 4]. Аналогичная ситуация во многих регионах.

И дело даже не в том, что «у нас размазано всё по разным направлениям, и подчас складывается впечатление, что у нас либо вообще нет никакой молодежной политики, либо слишком много этой молодежной политики, но она малоэффективная, затратная, но не эффективная» [13], а в том, что чрезвычайно распространены симуляры (молодежные палаты, парламенты, правительства-дублеры и т. п.), имитирующие молодежную политику, занимающие место реальных механизмов, допуск к которым строго ограничен «взрослыми» политиками по соображениям «как бы чего не вышло». Сюда же относится массовое и активное (а нередко и гиперактивное) участие в политической жизни «от молодежи» бывших и действующих спортсменов, «звезд» эстрады, не имеющих не то что политического, а элементарного житейского опыта, не говоря уже об опыте управления или вообще какой бы то ни было практической деятельности.

Такое псевдоучастие молодежи в реальной политике создает мощный, но не несущий никакой позитивной практической нагрузки информационный фон, состоящий из материалов указанных выше молодежных структур, программ и их рг-акций, «научных» исследований и т. п. В результате, внешне создается ощущение «кипящего котла», КПД которого на выходе процесса крайне незначительно. Отсюда и неясность: «У нас есть молодежная политика или нет? И многие задаются этим вопросом...» [14]. Предельно ясно отвечают на этот вопрос результаты исследования эффективности реализации государственной молодежной политики (2011). Около 15 % молодых людей считают, что Правительство России «проводит целенаправленную молодежную политику в ряде особо значимых для молодежи сфер жизнедеятельности», а почти 70% считают, что этого не делается [10, с. 6]. Современные исследования также показывают, что молодежная политика является в России периферийным направлением [8, с. 19].

Низкая эффективность, а нередко и просто профанация молодежной политики не только дискредитируют её основные принципы и идеи правового, демократического государства в целом, но и причиняют прямой ущерб федеральному и региональному бюджетам. В новейших экономических исследованиях показано, что режим бюджетных инвестиций в молодежную политику в период ее активной реализации (2007 – 2010 гг.) на уровне субъектов Федерации был стабильным и лишь «в слабой степени» зависел от текущей экономической ситуации (период кризиса) и повышения дефицитности региональных бюджетов [7, с. 9].

Одной из причин сложившейся ситуации, как показывают новейшие исследования, является «фрагментарность и бессистемность, неустойчивость и нестабильность состояния субъектов управления молодежной политикой и сферы организации работы с молодежью» [2, с. 12]. Системе неоткуда взяться, так как «если говорить о каком-то унифицированном своде правил, приоритетов, направлений деятельности, то такого кодекса у нас, наверное, до сих пор нет» [14].

Таким образом, существующая институциональная среда не определяет четких легальных механизмов социального лифта для молодежи в политике. Отсюда «ветераны молодежной политики» имеют синекуры в декоративных молодежных парламентах, тогда как в условиях работающей демократии они давно бы прошли проверку партийными праймериз и, по крайней мере, муниципальными выборами. В 2011 г. на федеральном уровне молоде политики (скорее, – кандидаты в политики) участвовали в праймериз, которые позволили, по крайней мере, заявить о себе, а многим и войти в предвыборные списки партии.

Вхождение в российскую «большую» политику неизбежно втягивает молодого человека в среду формальных и, в значительно большей степени, – неформальных отношений и правил, весьма далеких от идеальной веберовской модели бюрократии, какой в действительности, по крайней мере, в России,

не существует. Отечественные условия будущей политической профессиональной деятельности молодого человека далеки от идеальных и не по причине жесткой политической конкуренции. Необходимо учитывать национально-региональный аспект, имманентно присущие российской государственной службе факторы патронажа-клиентизма, коррупции. Эти явления представляют собой реакцию на неэффективность государственных институтов. Значительный объём политических, информационных, ресурсных связей, согласований и решений основываются на неформальных, межличностных договорённостях внутри традиционного для России феномена «партии власти» (на всех её уровнях) [19].

Молодой политик, даже с вузовской скамьи, не готов к этому, но может быть подготовлен, пройдя школу молодежного парламентаризма, идея развития которого сформировалась в России в середине 1990-х гг. под влиянием европейского опыта. «Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне» содержит в себе специальный раздел «Организационно-правовые формы участия молодежи в местных и региональных делах». Одной из таких форм и являются молодежные советы, парламенты и форумы. Хартия декларирует следующие условия эффективного участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровнях:

- понимание молодыми людьми происходящих вокруг них социально-культурных изменений;
- наличие постоянного представителя или структуры (молодежный совет, молодежный парламент или молодежный форум, формируемые с помощью выборов, посредством назначения представителей молодежи, входящих в организацию, и/или на добровольной основе. Членский состав таких структур должен отражать социальную структуру населения в данной местности;
- молодые люди должны непосредственно отвечать за осуществление различных проектов и играть активную роль в реализации соответствующих стратегий;
- местные и региональные власти должны создать или поддержать структуры, обеспечивающие активное участие молодежи;
- молодежные структуры имеют право и возможность свободно высказать свою озабоченность и, в частности, довести эту озабоченность до властей, а также дают возможность направить властям свои предложения [4].

Строгого возрастного ценза Хартия не устанавливает. Так, в «колыбели демократии» Великобритании с 2000 г. действует Молодежный парламент, куда могут избираться и быть избранными молодые люди 11 – 18 лет. При этом они ведут дебаты в Вестминстере по вопросам платы за обучение, доступности, транспорта, экономики и возрастного ценза, что традиционно вызывает попытки консерваторов «заблокировать движение» [18]. Аналогичный орган действует и в России, однако до участия в парламентских дебатах дело пока не дошло (28 октября 2002 г. в Государственной думе состоялось

первое заседание Общественной молодежной палаты при Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации).

В России нормативное регулирование создания молодежных парламентов осуществляется на основе Федерального закона от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «Об общественных объединениях», Федерального закона РФ от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (в ред. от 01.07.2011 г., ст. 54) и «Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации», разработанных Министерством образования РФ в 2003 г. (далее – Рекомендации). Молодежный парламентаризм в документе определен как система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанный на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – Молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства. В качестве основных принципов развития молодежного парламентаризма «Рекомендации» выделяют:

- приоритет защиты прав молодежи и ее объединений;
- доступность и открытость системы молодежного парламентаризма для участия в ней любого молодого человека;
- легитимность создания, функционирования и развития различных форм молодежного парламентаризма;
- демократизм формирования состава различных форм молодежного парламентаризма на основе выборов и/или конкурсов;
- использование научного подхода к развитию молодежного парламентаризма;
- формирование персонального состава молодежных парламентских структур из числа молодых людей (от 14 до 30 лет), если иное не предусмотрено действующим законодательством Российской Федерации или нормативными правовыми актами соответствующего субъекта Российской Федерации;
- социальная эффективность и ответственность [15, с. 38 – 51].

Предполагается, что сочетание данных принципов позволяет создать условия, при которых молодежные парламентские структуры будут способны представлять интересы не отдельных молодых людей, молодежных общественных объединений и иных заинтересованных организаций, а интересы молодежи региона в целом. Данная задача представляется чрезвычайно сложной. Понятие «молодежь», как справедливо отмечает С. И. Никулина, – это абстракция [8, с. 6]. Молодежь неоднородна. Это школьники и рабочие, жители села и рабочие, лидеры и активисты «молодежек» и воспитанники спецучреждений, бизнесмены и маргиналы. Все они с разной степенью успешности адаптируются к рыночной экономике, часто ориентируются на взаимо-

исключающие политические и духовно-нравственные ценности.

Для «упрощения» задачи выражения интересов молодежи при создании представительных молодежных структур в регионах, в них нередко включаются лишь «проверенные» и близкие к региональной власти активисты институционализированных молодежных движений и структур, что выхолащивает дух и принципы молодежного парламентаризма. Указанные проблемы и сложности в развитии молодежного парламентаризма неизбежно сказываются на его развитии во всех регионах. Сбалансированной и относительно успешной попыткой их преодоления, или, по крайней мере, максимальной минимизации может служить история развития молодежного парламентаризма в Кемеровской области.

Постановлением Совета народных депутатов Кемеровской области от 12 апреля 2000 г. был создан Молодежный парламент Кузбасса (МПК). В состав МПК на основе представительства от муниципальных образований входят 35 депутатов от 14 до 30 лет. За время своего существования МПК реализовано множество социально значимых инициатив, в числе которых:

- подготовка ряда обращений к законодательному органу: по вопросам игровых автоматов, повышения возрастной планки для помощи молодым семьям (до 35 лет), о постинтернатном патронаже и др.;
- работа над проектом федеральных законов о молодежной политике и поправками в соответствующий региональный закон;
- проведение областных конкурсов, благотворительных акций;
- изучение мнения молодежи по актуальным вопросам.

Региональный молодежный парламентаризм стал хорошей школой реальной публичной политики, лидерства, опыта участия в процессе разработки, принятия, реализации нормативных актов, управленческих решений, отстаивания позиции, поиска компромиссов. Однако нельзя не признать, что на сегодняшний день говорить о правомочности, полноценной субъектности молодежных парламентов, советов, форумов и т. д. не приходится. Созданные по инициативе «сверху», часто сформированные из вчерашних школьников, эти организационно-правовые формы выполняют задачи молодежной «массовки», послушно выполняющей указания вышестоящих государственных или партийных органов, одобряющей принятые другими решения, обеспечивающей «правильный» ход и результаты избирательных и иных политических кампаний и т. п.

Причины существующего положения мы видим в следующем:

- существует многовековая историческая (преимущественно, авторитарная и тоталитарная) политическая традиция;
- реальная политическая конкуренция (программ, партий, лидеров, реально претендующих на то, чтобы прийти к власти) в российской политике отсутствует;

– доминирование и последовательное укрепление позиций государственной собственности в ключевых отраслях экономики и связанное с этим политическое доминирование неизбежно порождает феномен «партии власти», для которой молодежное движение является «боевым резервом и помощником», а никак не демократическим институтом.

В такой ситуации «казенные» молодежные органы способны воспитывать и воспроизводить лишь конформизм и умение «претворять в жизнь». В то же время в любой форме молодежные парламенты и аналогичные им органы полезны и необходимы. Ведь именно комсомол «готовил» реформаторов внутри КПСС в условиях, казалось бы, жесткого политического контроля. Кроме того, мы имеем именно те молодежные политические структуры, которые соответствуют институтам современной российской политики, и молодежь, попадая в них, свежим взглядом видит, что такое эта политика изнутри и что в ней необходимо изменить. Характерно, что в предвыборных дебатах 2011 – 2012 гг. все кандидаты, их доверенные лица, комментаторы и аналитики обязательно обращали внимание на фактор наличия политического и управленческого опыта, приобретать который необходимо начинать смолоду. И лучшего места, чем активный, реально работающий молодежный парламент, учитывающий и интересы «кулуаров власти», и «улицы», – на сегодня нет. Именно он становится социальным лифтом для молодежи в «малую», а затем и «большую» политику.

### Литература

1. Бударегин, М. Будущее в сомнениях в настоящем. Россия может столкнуться с агрессией поколения, не знавшего СССР [Текст] / М. Бударегин // Взгляд. – 2011 (2 ноября).
2. Глухова, М. Ф. Инфраструктура молодежной политики: управление организационно-функциональным обеспечением [Текст] / М. Ф. Глухова: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 37 с.
3. Данилин, П. Новая молодежная политика (2003 – 2005) [Текст] / П. Данилин. – М.: Европа, 2005. – 292 с.
4. Европейская хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований [Текст]. – Обнинск, 2004.
5. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 (в ред. от 18.07.2011 N 242-ФЗ) [Текст].
6. Министерство молодежной политики и спорта Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.mmpsrb.ru/youth\\_policies\\_rb/](http://www.mmpsrb.ru/youth_policies_rb/).
7. Мордвинцев, И. А. Специфика и механизм реализации государственной молодежной политики в регионах России [Текст] / И. А. Мордвинцев: автореф. дис... канд. экон. наук. – Волгоград, 2011. – 32 с.
8. Никулина, С. И. Политическая культура молодежи Российской Федерации и ее развитие в ус-

ловиях реформ [Текст] / С. И. Никулина: дис... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2009.

9. Павловский, В. В. Социология молодежи и ювенологии [Текст] / В. В. Павловский // СОЦИС (Социологические исследования). – 1999. – № 5.

10. Паньшин, В. Е. Политико-правовые аспекты реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации [Текст] / В. Е. Паньшин: автореф. дис... канд. полит. наук. – Уфа, 2011.

11. Перечень поручений Президента РФ Правительству РФ по итогам заседания Комиссии при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 31 августа 2011 г., 19 сентября 2011 г. / Заседание комиссии по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике 31 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/news/12515>.

12. Послание Президента России Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 г.

13. Путин, В. В. Выступление на встрече со студентами высших образовательных учреждений Томска 25 января 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://premier.gov.ru/visits/ru/17867/events/17866/>.

14. Путин, В. В. Выступление на заседании организационного комитета по проведению в России

Года молодежи 19 февраля, 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://premier.gov.ru/events/news/3431/>.

15. Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации [Текст] // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. – 2003. – № 6.

16. Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ (ред. от 06.10.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [Текст].

17. Фурсов, О. Б. Молодежный парламентаризм в современной России (социологический анализ) [Текст] / О. Б. Фурсов: дис. ... канд. социол. наук. – Самара, 2006.

18. Savage, M. Berrow breaks convention to attack BNP [Text] / M. Savage // Independent. – 2009, (31 October).

19. Segbers Klaus Institutional Change in Russia [Text] // Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 2: Pathways from the past to the global / Edited by Klaus Segbers. – Ashgate: Aldershot; Burlington, Singapore and Sydney, 2001.

20. Thurow Lester, C. The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World [Text] / C. Lester Thurow. – USA Inc: Penguin Books, 1997.